

ЯНИНА ХМЕЛЬ

ПРИЗРАКИ
ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО
ПРОШЛОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Призраки. Сила четырёх стихий

Янина Хмель

Призраки прошлого

«Автор»

2023

Хмель Я.

Призраки прошлого / Я. Хмель — «Автор», 2023 — (Призраки. Сила четырёх стихий)

Женский род семьи Хедлунд больше столетия связан одним проклятием. Виктор в попытке воскресить свою возлюбленную приносит каждой женщине рода боль и страдания. История о потере человечности на пути к своей цели. Тетралогия «Призраки. Сила четырёх стихий» состоит из романов «Призраки прошлого», «Призраки настоящего», «Призраки будущего», «Проклятый призрак». Первая книга про борьбу Евы, ей принадлежит стихия воды, она обладает телекинезом. Вторая книга про попытки Дианы (мать Евы) вырваться из семейного несчастья, её стихия земля, Диана может лечить прикосновением. Третья книга про Соню (дочь Евы и внучку Дианы), ей подвластна стихия огня и чтение мыслей. Четвёртая книга переносит к истокам проклятия — к самому Виктору.

Содержание

Пролог	5
Чужая невеста	7
Девушка в зеркале	11
Семейный пикник	14
Знакомство с призраком	17
Старый дом	21
Дневники Дианы	25
Искренность	28
Измена	32
Разбитое сердце	35
Страницы дневника	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Янина Хмель

Призраки прошлого

Пролог

Ветер заключил моё продрогшее тело в объятия. Из четырёх основных стихий союз именно с этой был разрушительным для меня. Я – вода, которая покорилась воздуху. Подчинилась. Поддалась.

Я проиграла эту битву, но война ещё не закончилась. Война, которая длилась больше сотни лет.

На медленном, осторожном вдохе тысячи острых ножей вонзились в грудную клетку. Один за другим. Быстро. Резко. Как будто лёгкие оказались в руках огня, – ещё одной неподвластной мне стихии, – и он крепче сжал кулаки, заглядывая в мои открытые, полные солёных капель глаза. На выдохе мне стало легче.

Несколько мгновений назад я выиграла схватку со своей стихией. Вот только я была готова полностью отдаться ей, когда поняла, что выбраться из воды без этих проклятых дневников не смогу. Я сидела на берегу озера, прижимая те самые дневники к груди. Все страницы были полностью сухими. Как будто не их только что вытащили из озера. Вместе со мной. Оказалось, пойти ко дну они могли только в моих руках...

Поражённые стихийные капли стекали по плечам с волос. Ветер с силой подбрасывал утяжелённые водой пряди, а потом медленно возвращал их на плечи. Я уже не чувствовала холода. Моё тело согрело его пальто, накинутое на сгорбленную спину.

Сам он сидел рядом, растирая виски и дыша ещё чаще, чем я.

Нет никакой соломинки, за которую хватается утопающий. Мозг в стрессовой ситуации работает быстрее, охватывает все варианты спасения и принимает тот факт, что спасения нет. Как и Джек в «Титанике» принял, что ему нет места на двери рядом с Розой посреди холодных вод океана.

Когда я осознала, что не могу разжать руки и отпустить свою ношу, полностью смирилась с неизбежным и перестала бороться со своей стихией, тяжёлым камнем опускаясь ко дну. Я задержала дыхание и закрыла глаза. Я уже смирилась с тем, что проиграла...

Но в следующее мгновение почувствовала, как чьи-то руки обвили мою талию и резким движением вырвали тело, из которого вот-вот должна была выйти моя душа, из воды.

Я не успела понять, что произошло.

– Господи, ты просто сумасшедшая! – прошептал мой спаситель. Ветер стих после его слов и оставил мои волосы в покое.

– А он тут совсем ни при чём... – промямлила я, ощущая, как дрожащие от холода губы расплываются в улыбке.

– Ну совсем несмешно!

Его дыхание всё ещё было неровным и частым. Но место злости и раздражения постепенно занимали страх и непонимание.

– Чем ты думала?!

– Зачем ты пришёл? – прохрипела я, проигнорировав его вопрос.

Грудная клетка всё ещё пылала. Как и горло. Я откашлялась.

Прошло несколько минут, прежде чем он ответил мне. Тишину между нами разбавлял шум воды и стук моего сердца. Его сердце, казалось, замерло.

– А разве ответ не очевиден?

Я отложила дневники в сторону и опустила на них глаза. Провела рукой по сухим страницам. Видимо, если бы я вошла с ними в огонь – в пепел бы превратились не они.

В голове отчётливо звучал знакомый голос: *«Он твоё проклятье... Не ты его яблоко. Он твой искуситель. Он погубит тебя. Тебе не выбраться из этой ямы...»*

Я подняла глаза и увидела у него за спиной ту, чей голос приглушённым эхом повторялся в моём подсознании.

– Очевиден, – ответила ему, но смотрела я не на него, – только тебе нужна не я...

Чужая невеста

Я слышала, что утро невесты – очень сентиментальный момент, часто девушки не могут контролировать слёзы, но плачут обычно от радости. Я же не проронила ни одной слезинки, когда надевала белое платье, которое было мне велико. Оно волочилось по полу спереди и сзади, было чересчур длинным, а в его многослойных подъюбниках я то и дело путалась при каждом шаге. Я была недовольна тем, как оно сидело на мне, будто двуспальный пододеяльник на одеяле для односпальной кровати. Я была недовольна его цветом и фасоном, будто не сама выбирала его. Я была недовольна своей ролью в этом душном спектакле.

Взглянула в зеркало на незнакомую рыжеволосую девушку, не узнавая своего отражения. Бессонные ночи не удалось замаскировать даже толстыми слоями тонального крема и пудры – фиолетовые разводы под глазами всё равно были видны. Нанесённая несколько минут назад алая помада уже скаталась на потрескавшихся губах. Глаза блестели от невыплаканных слёз. Нервный комок то и дело подкатывал к горлу, но я отправляла его обратно. На дно.

Медленно спускаясь по лестнице, я цеплялась каблуками за подол платья, мысленно ругая себя за то, что совсем забыла согласовать длину накануне.

Я подошла к Яну, который ждал меня в прихожей, освещённой лишь пламенем трёх свечей в старом подсвечнике на комод. Когда я спустилась, две крайние свечи потухли.

– Вау, – улыбнулся Ян, подставляя мне локоть, чтобы я ухватилась за него.

Я крепче сжала букет, набрав в лёгкие побольше воздуха, натянуто улыбнулась жениху, протягивая ему свободную руку. Букет выбирал жених. И эти розовые большеголовые пионы должны были порадовать невесту, но вместо этого напоминали, что цветы выглядят живее, чем она. Чем я. Я ощущала себя сгнившей внутри.

– Виктор уже оборвал телефон, – пожал плечами Ян, поглаживая мою ладонь на своём локте.

– Это была его затея, – тихо ответила я.

Ян посадил меня на переднее сидение белого кабриолета, сам занял водительское место, и мы поехали в церковь, где нас уже ждали его родители и Виктор с Лидией.

Виктор настоял на венчании. Я же хотела тихую роспись без помпезности и традиций, была против церкви и священника, но закатывать скандалы было не в моём характере. В моём характере – уступать, идти на поводу дорогих мне людей.

Поэтому я и была в этом платье, стояла рядом с этим мужчиной. Молчала и давилась словами, которые застревали комом в горле. Вытесняла моральную боль физической, сильнее сжимая в одной руке букет, а другую – в кулак, чтобы почувствовать, как ладонь пульсирует от свежих ран, которые я оставляла нарочно ногтями.

– Ева?..

Сквозь пелену мыслей, заглушающих внешние голоса, пробрался его голос.

Я оглянулась по сторонам, надеясь, что сплю и декорации церкви сменятся на стены комнаты, как только я моргну.

– Мне повторить вопрос ещё раз? – Священник смотрел мне в глаза.

Остальные присутствующие уставились мне в спину. Под натиском их взглядов я оседала, как старый покосившийся дом.

Ян приобнял меня за талию, как будто почувствовал, что без посторонней помощи я опущусь на четвереньки.

– Я слышала вопрос. Я... – едва дыша, ответила, сглотнув ком, препятствующий моему «да», выдавливая из себя лживое и ядовитое: – ...согласна.

– Властью, данной мне церковью, объявляю вас мужем и женой перед лицом Господа и лицами всех здесь присутствующих! – торжественно произнёс священник, обвёл быстрым взглядом немногочисленную публику и завершил свои слова отрепетированной улыбкой.

От этой улыбки меня чуть не стошнило прямо на его лакированные ботинки, носы которых выглядывали из-под рясы.

Я отступила на несколько шагов от Яна, как только священник договорил, и обернулась в поисках поддержки. Виктор, который всю церемонию стоял справа, протянул руки для объятий.

Я закашлялась, давясь слезами, и уткнулась лицом ему в грудь.

– Ты же от счастья плачешь? – Виктор взял моё лицо в обе ладони, вытирая бегущие по щекам слёзы большими пальцами.

– Видимо, – моргнула, смахивая с ресниц капли, и высвободилась из его объятий.

– Мама бы очень гордилась тобой, – тихо добавил он.

Я закатила глаза, будто бы возвращая слёзы обратно.

– А ты умеешь поддержать! – фыркнула в ответ.

Наш диалог прервала Лидия, вставая между нами. Она всегда спешила отдалить нас друг от друга.

– Кто бы сомневался, что я найду вас в объятиях друг друга, – с нескрываемым сарказмом сказала она и обратилась ко мне со своей притворной наигранной искренностью: – Поздравляю.

Лидия сразу же вцепилась в локоть Виктора, в попытке закрыть его своим телом от меня.

Я так же наигранно улыбнулась ей в ответ и отдалилась от Виктора. Лидия всегда ревновала его ко мне, несмотря на то, что я никогда не давала ей повода. Я всегда топила чувства к нему в своих тёмных водах.

Когда-то мы были идеальной семьёй. Семьёй, где у каждого была своя главная роль. Виктор – отец, и он справлялся со своей ролью, пока роль матери не опустела. В том жизненном спектакле я была дочерью.

Нашей счастливой жизни пришёл несчастливый конец. Мама утонула. И начался другой спектакль, где нам – мне и Виктору – были отведены незнакомые роли. Мы остались одни друг у друга.

Но потом у Виктора появилась Лидия, а у меня – Ян.

– Ева, хватит летать в облаках, – Виктор поцеловал меня в лоб. Опрометчивое действие на глазах Лидии, конечно, но он будто нарочно давал ей поводы для ревности, хотя она и без этих поводов умудрялась плевать желчью в мой адрес.

– Виктор, пора ехать в ресторан, – тут же среагировала в ответ Лидия, так и не отпустив его руку.

– Пора, – улыбнулся он.

Его чувства к Лидии и в подмётки не годились тем, что он когда-то испытывал к маме. Мне так казалось. В детских воспоминаниях, которые я бережно хранила в коробке подсознания, его отношение к маме было абсолютно другим: он никогда так не смотрел на Лидию, никогда так не касался её.

Я приняла, когда через пять лет после смерти мамы Виктор привёл в наш дом Лидию. Мне едва исполнилось девятнадцать. Но я понимала, что ему нужно утолять свои мужские потребности. Знала, что он не перестал и никогда не перестанет любить маму. Осознавала, что ему нужно жить дальше... Пусть и в объятиях другой женщины.

Лидия изначально не стала прилежной мачехой. Она никогда не скрывала свою ревность и неприязнь ко мне. Виктор же делал вид, будто бы не замечал её отношения ко мне. А может, и правда не замечал? Я никогда прямо не спрашивала его об этом, мне оставалось только догадываться.

Для меня семьёй всегда был Виктор. Но Лидия забрала его у меня.

Я приняла предложение Яна. Он закрывал глаза и делал вид, что не замечает мою нелюбовь. Чувствовал ли он, что моё сердце принадлежало другому человеку? Казалось, на это чувство у него тоже стоял барьер. Он любил за нас двоих.

Мы на двух машинах перебрались в ресторан. Я и Ян ехали на белом кабриолете, а Виктор, Лидия и родители моего новоиспечённого мужа – впереди на машине Виктора.

Я уставилась на дорогу, а точнее – на бампер машины впереди.

– Ты в порядке? – Ян отыскал мою кисть среди белых подъюбников и крепко сжал в своей ладони. – У тебя такие холодные руки...

И сердце тоже было холодным. Внутри меня как будто был заперт огромный айсберг. И если вдруг он начнёт таять, кому-то снова придётся позаботиться о спасении мира, построить ковчег и собрать каждой твари по паре.

– Ева?

Я вздрогнула.

– Мы приехали.

Ян стоял передо мной с протянутой рукой.

Я была поглощена своими мыслями и не заметила, как машина остановилась, как Ян отпустил мою кисть, которую сжимал всю дорогу, и вышел из машины, как открыл дверь с моей стороны. Я подала ему руку и вылезла из машины.

Родители Яна встречали нас в дверях ресторана, а Виктор и Лидия были внутри. Я не спланировала в своей свадьбе ровным счётом ничего. Единственная моя задача была – подобрать платье. Но и её я провалила, забыв о нём и вспомнив в день церемонии, когда уже что-то исправлять было поздно.

Музыка с нашим появлением стала громче. Внутри было прохладно и темно. Мы с Яном заняли свои места. Родители Яна присели с его стороны. Возле меня сидел Виктор.

Он весь вечер не сводил с меня глаз, я чувствовала его взгляд на себе, даже не поворачиваясь в его сторону. Лидия тоже замечала этот взгляд и злилась, отчего ещё больше налегала на алкоголь. Мой бокал стоял нетронутым.

Когда музыка сменилась на медленную, Виктор подал мне руку:

– Танец отца и дочери?

Я видела только силуэт Виктора и чувствовала его запах. Коснулась ладони Яна и подала эту же руку Виктору. Если бы это был момент в фильме, сейчас бы оператор перевёл камеру на мои глаза – в них блестели крохотные кристаллы слёз.

– Почему ты так странно себя ведёшь? – Виктор прижал меня к себе за талию, бережно придерживая одну руку на бедре, а во второй сжимая мою кисть. Его борода касалась моего обнажённого плеча, он согнулся, чтобы шептать мне на ухо. Виктор был на голову выше меня.

– Ты знаешь причину, – тихо ответила я, опять цепляясь каблуками за длинный подъюбник.

– Не знаю. Не понимаю.

Его тело было слишком близко, и от этой близости я не могла выровнять дыхание.

Напрасно я предполагала, что моя свадьба всё изменит. Танцуя в объятиях Виктора, я осознавала: то, что должно было спасти его и меня, загоняет нас обоих в глубокую яму.

Я всегда винила и проклинала себя за эти чувства. Но они только крепили. С каждой минутой, проведённой возле него. И с каждой минутой врозь.

– Танец мужа и жены, – прошептал Виктор, касаясь губами моего уха, а потом передал меня, как куклу, в объятия Яна.

Когда мы с Яном кружились в нашем первом танце, я не переставала смотреть в глаза отцу. Через плечо мужа.

Существовали границы, которые нельзя было переходить. Даже если желание сделать это больше всего во Вселенной, даже больше самой Вселенной. Я и стояла по ту сторону этой границы, отделяющей меня от счастья. Рыдала, рвала землю под ногами, кричала, но стояла на месте. А по ту сторону был Виктор.

– Ева? Ты сегодня далеко, не со мной, – Ян с грустью поцеловал меня в сухие губы.

– С тобой, конечно, – я прижалась лицом к его плечу. Чтобы спрятать свои глаза, чтобы он не заглянул в них и не увидел, что я нагло лгу. Мыслями я была не с ним.

Когда танец закончился, мы вернулись на свои места. Вот только моё место было не здесь, не рядом с этим мужчиной. А мужчина моей мечты сидел по левую руку от меня и улыбался другой женщине.

Девушка в зеркале

Мы с Яном уже два года засыпали и просыпались в одной постели. Между нами ничего не изменилось, когда я проснулась его женой.

На моём туалетном столике возле кровати стояла ваза с белыми розами, а на подушке Яна лежала записка: «*Хорошего дня, моя любовь*».

Я вздохнула. Воздух стал вдруг таким тяжёлым.

Не прошло и дня рядом с Яном, чтобы я не почувствовала себя виноватой перед ним. Я винила себя за то, что приняла предложение не для того, чтобы сделать его счастливым, а чтобы мучить. Разве может быть страдание сильнее, чем любить того, кто не любит тебя в ответ?

Я поднялась с постели, затолкав записку под подушку Яна, и присела за туалетный столик, чтобы перед зеркалом убрать волосы в косу. Медленно заплетая косу, я поглядывала на розы. Ян знал, что не люблю цветы, но каждое утро оставлял новый букет в вазе. Я фыркнула и отвернулась от вазы, а моё отражение не поменялось. Я резко подскочила со стула, сжимая недоплетённую косу в кулаке. Моё отражение даже не дёрнулось, оставаясь в положении сидя.

– Что?.. – произнесла я растерянно, – этого не может быть...

Я отпустила косу и закрыла лицо ладонями. Руки задрожали, мне стало страшно убрать их от лица и снова посмотреть в зеркало. Я слышала только ускоряющийся стук своего сердца. Этот стук давил, как будто сейчас прозвучит взрыв. Я задержала дыхание, прижимая ладони к лицу плотнее...

Тишину разорвал звонок в дверь. От неожиданности я вздрогнула, убирая ладони от лица: моё отражение повторило за мной. Мне что, всё привиделось?

Звонок повторился.

Не отрывая глаз от зеркала, я попятилась к двери. Моё отражение проследовало за мной.

В длинной ночной сорочке на голое тело, с растрёпанной недоплетённой косой и бешеным стуком сердца – такой я предстала перед Виктором.

– Ты в порядке? – удивлённо спросил он, без приглашения переступая порог квартиры и закрывая за собой дверь.

– Нет! – честно ответила ему я, тяжело дыша, и рассказала, что произошло.

Виктор всегда был в курсе всего, что происходило со мной. Сначала я делилась всем с мамой, у меня не было подруг. А после смерти матери я обо всём рассказывала Виктору.

Он действовал на меня лучше любого успокоительного. И ему это удавалось даже без слов.

Виктор молча притянул меня к себе за руку и прижал голову к своей груди.

– Успокойся. Я рядом.

– А должен быть далеко. Как можно дальше!

Я отстранилась, упираясь ладонью ему в грудь, напрягая руку, чтобы оттолкнуть.

– Я пришёл, чтобы рассказать тебе кое-что, – Виктор накрыл мою руку на своей груди ладонью и опустил глаза.

– И это кое-что я должна была узнать раньше, чем принять предложение Яна?

Сердце взволнованно забило в груди, ускоряя даже тот бешеный ритм, предостерегая и сообщая о том, что сейчас разобьётся.

– Нет! Иначе... Я нарочно дождался этого дня.

Я почувствовала, как слезинки одна за одной скатились по моей щеке. Я вытерла их и резко выдохнула:

– Говори.

– Только выслушай меня, прежде чем...

– Говори, – тихим охрипшим голосом попросила я, перебивая его.

Виктор обхватил моё лицо ладонями, а моя рука так и замерла на его груди.

– Ева... Судьба сыграла с нами злую шутку.

Я попробовала высвободиться, но он крепко держал моё лицо.

– Послушай меня. Диана... Она была лучшим человеком в моей жизни! Лучшим, но не любимым настолько, чтобы я потерял голову и власть над своим сердцем. Я любил её! Любил и страдал оттого, что другого человека я люблю ещё больше. В сотни раз больше. Диана теперь там... И всё знает. Всё видит. А я здесь, и мне до немоты не хватает сил, чтобы признаться, даже самому себе, в силе той любви, что я испытываю.

– Ви... – я попыталась ответить, но голос не слушался.

Пальцы Виктора были мокрые от моих слёз.

– Ева... Моя малышка! Ты только моя! Я полюбил тебя с самых первых минут, как Диана положила мне на руки тебя. Полюбил, но не так, как того хотела она. Ева... – Виктор поцеловал меня, задерживая холодные губы на моём горячем лбу, и уже тише продолжил: – Двадцать один год и девять месяцев назад Диана пришла ко мне с тобой на руках. Тебе было три месяца. Ты нуждалась в отце... Но люблю я тебя, прости, не отцовской любовью.

С моих губ сорвался отчаянный крик, продирая себе выход наружу. Я оторвала ладони Виктора от своего лица, как прилипших пиявок, и зарыдала. Услышала звон в ушах – это разбилось моё сердце.

Я ничего не могла ответить ему. Попросту не могла говорить. Облегчение вперемешку с невыносимой болью разлилось по всему телу. Я опустила на колени: ноги стали ватными и непослушными.

Виктор подхватил меня и прижал к себе так сильно, что кости захрустели в ответ на его крепкие объятия.

– Одному богу известно, как сильно я люблю тебя, Ева...

– Зачем ты так со мной? – выдохнула я.

Я давилась слезами, вцепившись побелевшими пальцами в его плечи.

Он вытирал мои щёки и сразу же целовал их. Нежно и трепетно. Как не целовал никогда. В одно мгновение стена, отделяющая нас друг от друга, пала, а в следующее мгновение стала ещё толще и крепче.

– Почему ты столько ждал, чтобы сказать мне самое желанное, что я когда-либо хотела услышать?

Слёз больше не было, но истерика не проходила. Я дрожала и не могла выровнять дыхание. Однако близость Виктора по-прежнему действовала на меня лучше всяких успокоительных. Он гладил мои волосы и покрывал макушку нежными поцелуями. Его трясло вместе со мной.

– Разве я мог так поступить с тобой? С ней. Со всеми нами! Разве я мог растоптать в тебе самые лучшие воспоминания обо мне? Я не мог. Я не могу до сих пор. Но мне так больно молчать...

Мы прошли в гостиную и присели на диван, я забралась к нему на колени и прижалась к горячей груди. Как забиралась тогда, в своём детстве. Как же давно это было! Целую вечность назад.

– Как противно мне было от мысли, что я люблю собственного отца! И как тщательно вы с мамой скрывали от меня правду. Но зачем? Сейчас было бы всё так просто...

– Нет, не было бы! И не будет никогда. Обществу не объяснишь...

– К чёрту общество!

– Ты неправа. Мы часть этого общества. Мы не должны сорить там, где живём. Нам нужно... – Виктор замолчал, посмотрел на меня исподлобья и неуверенно продолжил: – Мы должны... Лучше будет оставить всё как есть.

– Ты же сейчас шутишь?

Я не верила его словам. Да и он сам вряд ли верил.

– Ты теперь чужая жена. Ян... – Виктор сглотнул, – он сделает тебя счастливой.

Я отстранилась от Виктора и медленно выпрямилась в полный рост. Его лоб упирался мне в живот, мои руки болтались вдоль тела.

– Из страдания в страдание? Серьёзно? – всхлипнула я, но не позволила себе очередную слабость. Хотелось реветь, но я до крови прикусила нижнюю губу.

– Я всегда буду рядом... – Виктор поцеловал мой живот и поднялся сам.

Теперь он был выше меня на целую голову. Мой взгляд упёрся в его ключицы, которые выглядывали из-под выреза рубашки. Я не шевелилась.

– Нет, ты ещё дальше.

Я поднесла кулак ко рту, вцепившись в него зубами, чтобы не закричать.

– Прости меня, Ева, – Виктор опять обхватил моё лицо тёплыми ладонями.

Я подняла на него глаза. Говорить не было сил – пусть всё прочитает в них. Пусть увидит каждую крупину боли там. Пусть его тоже разорвёт от этих бешеных эмоций.

– Мне срочно нужно идти, – прошептал он, нагибаясь, чтобы быть ближе к моему лицу.

– Иди, – кивнула я. – А мне срочно нужно остаться одной.

– Но прежде я сделаю то, о чём мечтал очень долго...

Виктор не дал мне опомниться и впился в мои сухие губы душераздирающим поцелуем.

А сколько я мечтала об этом моменте! Что это? Реальность или ещё один безумный сон?

Пусть же этот сон будет вечным.

Только я не спала. Я чувствовала солёный привкус своих слёз на его тёплых мягких губах и смело отвечала на этот поцелуй.

Семейный пикник

Виктор ушёл, а я осталась наедине с болью. Я закрывала глаза и видела картинки из другого – счастливого – спектакля. Видела маму, бегущую по берегу навстречу отцу. Видела, как он заключал её в крепкие объятия. Целовал в губы. А когда мама обернулась в мою сторону, я увидела не маму, а своё отражение...

Вздрыгнула и осознала, что уснула на полу, облокотившись руками на диван и склонив на них растрёпанную голову. За окном уже стемнело, а значит, Ян скоро вернётся с работы.

С ролью жены я справлялась плохо уже с первых минут. В брачную ночь отвернулась от мужа и притворилась уснувшей. Сегодня за целый день ни разу не позвонила ему и не поинтересовалась, что он хочет на ужин.

И никогда не интересовалась.

Зато знала наизусть, что Виктор по утрам пьёт крепкий нерастворимый кофе, что любит делать оладушки на завтрак и не любит ужинать в одиночестве. Знала, потому что все свои сознательные годы наблюдала за ним и впитывала черты его характера, запоминала то, что ему нравится и что он терпеть не может.

Кому-нибудь удалось приказать своему сердцу? Я о подобном не слышала. Моё сердце само выбрало, кого любить. А я осознанно выбрала, чьей женой быть. Виктор прекрасно знал, что я не предаю свой выбор. Вероятно, поэтому дождался, пока я выйду за Яна, а потом только рассказал мне правду.

Осознанно ли Виктор выбрал быть несчастливый? Жить и спать с нелюбимым человеком. Потакать обществу, а не своему сердцу. А может быть, это была проверка меня на прочность?

– Знаешь, Ева, женщина должна боготворить своего мужчину. Иначе он найдёт другую. Нет незаменимых...

– Ма, мне ещё рано думать об этом.

Мне было четырнадцать. Мама вплетала зелёные ленты в мои рыжие косы и давала советы, что делала всегда в этот момент.

– Никогда не рано узнавать простые истины, моё солнышко.

– Если я встречу такого мужчину, как папа, я буду боготворить его, – честно ответила я.

– Другого такого нет.

Мама была права. Обойди я всю планету вдоль и поперёк, всё равно бы не нашла похожего на Виктора. Вот только своей любовью я перечёркивала светлую память о матери.

Почему она сама не рассказала мне всё?

Я до мелочей помнила то утро. Запомнила её рассеянный взгляд, её глаза будто ничего не видели перед собой. Запомнила её дрожащие руки, из которых всё падало.

– Ма, ты в порядке? – помнила, как коснулась её плеча, а она вздрогнула и смахнула мою ладонь как мерзкого жука.

– Так будет лучше... – помнила её последние слова.

Потом она выбежала с чёрного входа. Я не пошла за ней.

А спустя час к нам забежала соседка тётя Рая и упала на колени на входе, с воплями: «Дианочка утопилась!»

Помнила, как выронила стакан с молоком, который несла отцу. Помнила, как рванула к озеру. Как бежала, будто в замедленной съёмке. И помнила её тело на берегу. А рядом скорую и полицию.

Я тогда не подошла к маме. Моё ослабевшее тело подхватил Виктор, который прибежал следом.

Я не верила. Ведь у мамы был разряд по плаванию, и даже в самом страшном сне не могла утонуть. И тем более утопиться. Она же была счастливой...

В эти выходные Ян решил собрать всю семью на пикник в лесу. С палатками, шашлыками и вином. Компанию собрал тоже самую подходящую – семейную. Моя новоиспечённая свекровь и моя действующая мачеха были так очарованы друг другом, что за этот вечер стали чуть ли не лучшими подругами, болтая без умолку, не прекращая делиться то рецептами, то советами, то историями из жизни. Ян и его отец были заняты шашлыками, а Виктор следил, чтобы наши бокалы не пустели.

Я стояла чуть поодаль ото всех и наблюдала за этим спектаклем, прислонившись к рядом растущему стволу и опустив глаза на бокал в руке. Наклоняла его и разглядывала, как остатки вина переливаются по стенкам. Сделала последний глоток и подняла голову. Вино растеклось по моему телу, как кипяток: передо мной стояла девушка из зеркала. После кипятка по моему телу покатались кубики льда. Я сглотнула застрявший в горле ком и попятилась назад, где стоял наш импровизированный стол.

Девушка смотрела прямо на меня. Я заслонила глаза рукой, а когда убрала ладонь – её уже не было на прежнем месте.

– Позвольте наполнить ваш бокал, – услышала голос Виктора.

Я была напряжена, как струна скрипки Паганини перед тем, как оторваться, и не услышала его шагов, оттого подпрыгнула.

– Прости, не хотел тебя напугать, – он подлил мне вина.

– Я... – едва дыша ответила я, – у меня всё хорошо.

– А так сразу и не скажешь. Ты что, привидение увидела? – в шутку спросил он.

– Не представляешь, как ты близок к истине, – честно призналась я, опустошив полбокала в несколько больших глотков.

– Ты видела её... наяву?

Я кивнула.

– Ева... Надо что-то делать! Надо обратиться к специалисту.

Я отошла подальше от дерева, возле которого стояла. Виктор последовал за мной. Когда мы ушли на приличное расстояние от остальных, я резко остановилась:

– К психиатру? – усмехнулась я.

– Я не это имел в виду...

Он тоже остановился – слишком близко от меня.

– А к какому специалисту ещё идут с подобными проблемами? – Я сложила руки на груди. Чувствовала правой ладонью, как трепетало и пыталось вырваться сердце, запутавшись в рёбрах, как птица в ветках.

– Мы это выясним. Мы...

– Вик, – я перебила его, – нет никаких «мы». Каждый сам по себе.

– Ты моя семья. И это неизменно!

– В качестве кого для меня есть место в твоей семье? – я пыталась поддеть его, но больно было мне.

Виктор медленно поднёс ладонь к моему лицу. Я инстинктивно прижалась к ней щекой и закрыла глаза. Слабость разлилась по всему телу, я громко выдохнула.

– В качестве той, кого я люблю, – так же громко выдохнул он и прижался губами к моим губам.

Своим поцелуем он высасывал из меня жизнь.

Что я там говорила про плохую жену? Я уже не только мысленно изменяла мужу, а ещё даже чернила не успели высохнуть в нашем свидетельстве о браке.

Думала ли я отстраниться от Виктора? Ни разу. В моей голове только мелькало: прижми меня к ближайшему стволу, разорви на мне одежду, не убирай свою руку с моих бёдер...

Но Виктор сам отстранился от меня.

– Прости...

– И ты меня, – помотала головой я.

– Я не могу так, – прошептал он.

– Ты прав. А я могу. И всегда могла! А тебе всегда было плевать на мои страдания.

– Это не так, Ева...

– Будь тебе не всё равно, ты бы всё рассказал мне раньше. Хотя бы накануне свадьбы!

Я смотрела ему в глаза и старалась не замечать, какую боль причиняли ему мои слова.

– Ева...

Но я не давала ему договорить:

– Что ты ещё от меня скрываешь?

– Ничего.

– Нам лучше не оставаться наедине! – бросила я и быстрым шагом стала отдаляться от него.

Мы вернулись к остальным членам семьи.

– Куда вы пропали?! – Ян стиснул меня в объятия, как только я подошла к нему.

– За дровами ходили, – нашёлся Виктор и протянул ему сухие поленья.

– Можно было бы подумать, что вы там зажимаетесь за деревьями, – влезла перебравшая Лидия и рассмеялась своей шутке.

Во взгляде Виктора сверкнули молнии в её сторону.

– А кому-то уже пора завязывать с вином, – он хотел казаться спокойным, но я заметила, как задрожали его руки.

Он боялся, что наш секрет раскроется.

Мне стало так обидно и противно от осознания того, что он боялся открыто любить меня. Я с яростью схватила бутылку вина и долила в свой бокал, уединившись с ним возле того самого ствола, где стояла ранее.

Девушка из зеркала больше не появлялась в этот вечер. Неужели она существовала только в моей голове?

Знакомство с призраком

Сколько бы я ни пыталась оградить себя от Виктора нарочно, он не оставлял меня в покое. Я не отвечала на его звонки, сообщения стирала даже не читая, дверь не открывала.

Ян улетел в рабочую командировку на неделю, а я осталась одна в квартире. Пурпурные розы на третий день опустили головы, ведь некому было поменять воду. Пора бы уже выбросить их, хоть когда-то эта ваза будет пустой. Отложила ноутбук в сторону, потянулась так, что позвоночник отозвался благодарным хрустом в ответ, и подошла к туалетному столику, на котором стояла ваза. Взглянула на себя в зеркало и ужаснулась двум полумесяцам под глазами – когда я последний раз высыпалась?

Я схватила цветы из вазы и замерла, сжимая их в руке. Моё отражение застыло в предыдущей позе.

– Чёрт! – прошипела я. Бессонные ночи сыграли свою роль в моём бесстрашии: – Хватит уже играть со мной в эти игры! Если уж хочешь что-то сказать, говори!

Это предназначалось моему отражению, и я вовсе не ожидала ответа.

– *Если хочешь что-то спросить, спрашивай.*

Отражение в зеркале было не моим. Потому что я не произносила этих слов. Губы в зеркале двигались, но я молчала.

Я окаменела от ужаса. Когда я была на грани грохнуться в обморок, раздался звонок в дверь, и я подпрыгнула от неожиданности, но рванула к двери и открыла её, даже не взглянув в глазок.

Лучше бы на пороге оказался призрак девушки из зеркала. Но там стоял Виктор.

– Ты меняла телефон? – сходу спросил он без приветствия, но растерялся, когда взглянул на меня. – Ева, что произошло?

В панике хватая воздух ртом, я не могла сказать ни слова.

Виктор зашёл в квартиру, по-хозяйски усадил меня на диван, принёс стакан воды и забрал у меня, наконец, эти дохлые цветы. Ему пришлось применить немного силы, чтобы разжать мои онемевшие пальцы, разодранные шипами.

– Опять? – выдохнул он.

Я ничего не ответила. Я всё ещё слышала у себя в голове: *«Если хочешь что-то спросить, спрашивай»*.

– Ева, нужно обратиться к специалисту.

– К какому? – недовольно фыркнула я. – К психиатру?

– Для начала к психологу.

– Обойдусь.

– Это зашло слишком далеко!

И это он не знал о том, что девушка из зеркала ответила мне. Иначе бы не тратил время на уговоры, а насильно затолкал меня в машину и отвёз в клинику.

Напряжение немного спало: Виктор по-прежнему действовал на меня лучше любого успокоительного.

– Почему ты не отвечаешь на мои звонки и смс? Ты игнорируешь меня?

– Да, – честно ответила я.

– Но почему? – Виктор был расстроен и, кажется, тоже страдал бессонницей. Его круги под глазами по размеру ничуть не уступали моим.

– Ты сам решил всё оставить как есть.

– Именно! И раньше ты не игнорировала меня.

– Раньше я могла заглушить свои чувства к тебе хотя бы тем, что они невозможны, потому что ты мой отец. Чем теперь прикажешь глушить их?

Виктор вздохнул в ответ.

– Правильно, нечем.

– Я хочу помочь...

– А я не хочу твоей помощи! – Я поднялась и подошла вплотную к нему. – Ты хотя бы минимально представляешь, как мне сложно находиться с тобой рядом? – Положила ладонь ему на грудь и пониженным голосом продолжала: – Быть рядом, но не иметь возможности делать всё, что мне хочется. – Второй ладонью я провела по его щеке. Он застонал от желания, но даже не шелохнулся. – Быть женой того, кто мне безразличен, – продолжала я, а Виктор молчал. – Делать вид, что между мной и тобой всё по-прежнему...

– Мне тоже нелегко! – перебил меня Виктор и накрыл мою ладонь на груди своей.

– Иногда мне кажется, что тебе легко.

– Ты требуешь от меня невозможного...

– Я не требую от тебя ничего, – пожала плечами я.

– Мы справимся, у нас всё получится. Обещаю!

– Конечно, – недовольно ответила я и оттолкнула Виктора от себя. – Уходи.

– Ты не можешь...

– Выгнать тебя из квартиры? Могу. Тебе лучше уйти.

И Виктор ушёл. Мне было тяжело дышать, я хватала ртом воздух, резко вдыхая и медленно выпуская его обратно. Где-то на задворках души мне хотелось, чтобы он остался, прижал к себе, сказал, как сильно любит меня, что готов пойти против общества и открыто рассказать всем о том, что происходит между нами. Но я смотрела на закрытую дверь и понимала, что этого никогда не произойдёт.

Набравшись храбрости, я присела напротив зеркала. Одновременно боялась и хотела, чтобы девушка снова появилась. Сердце громко стучало, отдавая вибрации в горло и низ живота одновременно. Меня подташнивало от напряжения.

– Кто ты такая?!

Я не отводила глаз от своего отражения, вцепившись побелевшими пальцами в край стола, чувствовала, как напряглись запястья и кисти.

Сначала ничего не происходило. Отражение было моим. А потом в отражении по лицу и оголённым ключицам покатались капли, будто я только что вышла из воды. Волосы тоже были влажными.

– *Меня зовут Айви.*

Отражение улыбнулось мне, а я так плотно сжала зубы, что почувствовала, как свело челюсть. Стол и даже зеркало задрожали вместе со мной – так сильно я вцепилась в край стола.

– Почему ты преследуешь меня? – выдохнула я.

– *Некоторые ответы найдёшь в дневниках Дианы.*

– А ты сама сказать не можешь? – осмелела я, а потом представила, как призрак разозлится от моей дерзости, выскочит из зеркала и схватит меня за горло, и сглотнула.

– *Не могу.*

– Где мне искать их? – осторожно продолжила я. – Я никогда не видела, чтобы мама вела дневник.

– *Ты знаешь...*

– Не знаю.

Она ничего не сказала.

Я сильнее сжала край стола. Казалось, пальцы сломаются от напряжения и натиска.

– Тебя вижу только я?

– *Я твой призрак,* – ответила девушка, сделав акцент на «*твой*».

Капли воды скатились по её щекам и шее и замерли на ключицах. Потом отражение стало моим. Я приложила ладонь к своему лицу – отражение повторило за мной.

Я незамедлительно собрала дорожную сумку и решила навестить наш старый дом. Если дневники Дианы и существовали, то могли быть только там.

Дорога оказалась длиннее, чем я предполагала. Я не помнила маршрут наизусть, отчего дважды сворачивала не туда. Приехала к дому в ночи. Что и где я собиралась отыскать при свете фонарика?

Как только я переступила порог, воспоминания не заставили себя долго ждать. Как на местах испорченной плёнке – медленно и растянуто – повторялся момент, когда я выбегала к озеру. Ноги подкосились, и я опустилась там, где стояла, так и не решившись войти в дом.

Я спустилась на шум их голосов.

– Что произошло?

Они заразительно смеялись, не отрываясь друг от друга.

– Ничего, – улыбнулась мама. Её одежда и волосы были мокрыми насквозь.

– Мы решили исполнить детскую мечту, побегать под летним дождём, – пожал плечами папа, целуя маму в мокрое плечо.

Я оставалась сидеть на ступенях, наблюдая, как капли стекали по козырьку. Начался июньский дождь. Я усмехнулась, скинула босоножки и вышла из-под укрытия, подставляя лицо воде.

Тёплые капли смывали с моего тела усталость и напряжение. Я стояла под дождём с закрытыми глазами, надеясь, что природа залечит раны на моей душе и восполнит пустоту там.

Мокрая, но воодушевлённая на поиски, я вошла в дом. Всё там осталось на прежних местах. Наши семейные фотографии в рамках висели на лестнице. Я остановилась возле них и провела ладонью по стеклу, смахивая пыль. Мамино старое кресло-качалка по-прежнему стояло в углу. Я сняла одну фотографию с лестницы и приземлилась в кресло, прижимая пыльную рамку к груди.

– Какие тайны ты хранила, мама? – вслух спросила я, будто бы она могла ответить мне. Я даже не знала, что мама вела дневники. А может, девушка-призрак лгала... Но вот только всем своим нутром я чувствовала, что та говорила правду.

Летний рассвет подкрался незаметно. Первые лучики уже заглядывали в окно. Я так и уснула в кресле, прижимая к себе семейную фотографию. Проснулась и замерла – по дому проплывали запахи свежесваренного кофе и блинчиков, перебивая друг друга.

Я подскочила, выронив рамку, и побежала на кухню.

За плитой стоял Виктор и готовил свои фирменные блинчики, помешивая кофе в турке.

– Это сон? – вслух спросила я и протёрла глаза ладонями.

– Уже проснулась?

– Ты следил за мной? – взбесилась я.

– А ты думала, я отпущу тебя одну в подобном состоянии неизвестно куда на ночь глядя? – усмехнулся он, переворачивая блинчики.

– Ты ненормальный!

Успокоившись, я подошла к плите и сняла турку.

– Из нас двоих ты по неизвестной причине приехала в наш старый дом ночью. И это я ненормальный? Но о своих намерениях ты расскажешь мне после завтрака, – строго заметил он.

– Как в старые добрые времена, – фыркнула я, разливая кофе по кружкам.

Мама всегда делала кофе, а папа занимался блинчиками. А я наблюдала за ними и пробовала папины блинчики первая.

– Слишком сладкие, – прожевав первый, заявила я.

– Чтобы жизнь твоя была сладкой, – мама поставила передо мной стакан с соком, потому что кофе мне было ещё рано, а я так мечтала поскорее вырасти, чтобы как взрослая пить кофе по утрам вместе с ними...

– Ева? – Виктор вырвал меня из воспоминания. – Ты не видишь краёв?

Кофе пролился мимо чашек.

– Задумалась, – вытерла столешницу и взяла обе кружки. – На веранду?

Виктор кивнул:

– Сейчас подойду, осталась последняя партия.

Я унесла кофе на открытую веранду, ведущую на задний двор, и присела на верхних ступеньках.

Виктор присоединился ко мне через пару минут, поставив между нами тарелку с блинчиками.

– Зачем ты приехала сюда? – тихо спросил он, взяв свою кружку.

– Чтобы кое-что найти.

– И что же? – немного помолчав, спросил снова, делая глоток кофе.

– Мамины дневники.

Я никогда не врала Виктору. Если он спрашивал, всегда отвечала правду.

– Диана вела дневники? – неподдельно удивился он. Скорее всего, тоже не знал о них.

– Я не знаю наверняка, – пожала плечами в ответ.

– Тогда с чего ты взяла, что они существуют?

– Мне рассказала девушка-призрак.

Старый дом

Виктор выплюнул кофе обратно в кружку.

– Что, прости? – откашлявшись, переспросил он.

– Мне рассказала девушка-призрак, – невозмутимо, попивая свой кофе, повторила я.

Он отодвинул свою кружку в сторону и долго молчал, прежде чем сказать:

– Что ещё она тебе... рассказала?

– Её зовут Айви, а некоторые ответы я найду в дневниках Дианы.

Когда я назвала имя, Виктор вздрогнул.

– Ты знаешь, кто такая Айви?

– Не уверен, – он посмотрел мне в глаза, будто бы убеждаясь, не спятила ли я.

– Расскажи, что ты знаешь, – теперь и я засомневалась в ясности своего разума.

– Мне кажется, я уже слышал это имя раньше, – пожал плечами Виктор.

– Выходит, эта Айви вполне могла существовать... – предположила я.

– Ты знаешь, где могут быть дневники Дианы?

– Где угодно. Вполне возможно, что на дне озера, вместе с ней.

– Давай начнём поиски в доме, – предложил Виктор.

Я повернулась к нему:

– Не уверена, что могу принять твою помощь.

– Почему?

– Не могу сосредоточиться, когда ты рядом, – честно призналась я.

Рядом с Виктором я как будто была накачана сывороткой правды и всегда говорила ему то, что думала.

– Ты хочешь, чтобы я ушёл?

– Хочу, чтобы остался. Но лучше для нас обоих будет иначе.

– Нет, Ева. Не будет так, как ты хочешь. Не сегодня, – строго отметил он и поднялся, чтобы отнести в дом свою кружку и тарелку с блинчиками, к которым ни он, ни я не притронулись.

Никто из нас не хотел прикасаться к воспоминаниям о другой, прошлой и теперь чужой, жизни.

Наши поиски ни к чему не привели. Я не могла сосредоточиться, когда Виктор дышал мне в спину или случайно касался моей руки или плеча. Я вздрагивала и отскакивала, как от огня. Чем он думал, когда ехал за мной? Надеялся, что я поддамся искушению? Не поддамся. Он прекрасно знал мой характер, а я прекрасно знала его. Он никогда не возьмёт меня силой, но будет делать всё, чтобы я пошла на поводу у своих эмоций.

Мы обыскивали дом и оба очень устали. От жары и напряжения между нами. Виктор ушёл в душ, а я вернулась на веранду. Присела на ступеньки и отчаянно всматривалась в даль. Кого я хотела там увидеть?

Но та, чей силуэт я искала в расплывчатом горизонте, стояла за моей спиной. Я лишь вздрогнула, когда поднялась и обернулась, почти налетев на неё. Отступила на несколько шагов назад.

Она впиалась в меня серыми глазами. Стеклянными. Холодными. Злыми.

– *Хочешь, я расскажу тебе, каково было ему, когда ты страдала от любви, ещё не зная, что он не твой отец?* – заговорила Айви. Она шептала, но я отчётливо слышала её голос. Будто бы он звучал в моей голове.

– Нет... – Отвечали мои губы, но подсознание думало иначе. И она слышала моё подсознание, слышала мои мысли.

– Он твоё проклятье, Ева. Не ты его яблоко. Он твой искуситель. Он погубит тебя. Тебе не выбраться из этой ямы...

– Ева?!

Я открыла глаза и увидела испуганное лицо Виктора.

– Где она? – растерянно произнесла я, приподнимая голову.

– Кто? – Он поцеловал меня в лоб. Меня затрясло от прикосновения его влажных губ. – Как же ты напугала меня!

Виктор помог мне принять вертикальное положение и, придерживая за талию, отвёл в комнату. В ту комнату, которая была их с мамой спальней. Усадил меня на ту кровать, в которой сплетались в одно целое их телá. Кровать, куда я – маленькая босоногая девчонка – запрывивала посреди ночи, втискиваясь между ними, и засыпала, прижимаясь к его груди...

– Ева! – Рука Виктора застыла на моей щеке. – Что происходит?

Я подняла на него глаза и заметила за его спиной её. Айви отрицательно мотала головой из стороны в сторону. Я больше не могла прятать эмоции за маской силы и бесстрашия. Почувствовала, как по щекам покатились слёзы. Виктор прижал мою дёргающуюся голову к своей груди.

Его футболка уже насквозь промокла от моих слёз, а я всё никак не могла успокоиться.

Я отстранилась от него и огляделась по сторонам. Айви исчезла. Остались только мы. Я. Он. А между нами наше общее прошлое.

Виктор отпаивал меня каким-то травяным чаем. Плакать уже было нечем. Я просто молчала, сжимая в ладонях чашку как хрустальный шар, который должен был ответить на мои вопросы.

Что мне сказать Виктору? Что призрак предостерегает меня от него? Что я верила призраку... Что я тоже смотрела на него и видела своё самое низкое падение?

Мы не сможем быть счастливы. Даже если сбежим на другую планету.

– Расскажи мне всё, – Виктор забрал чашку и поднял мою голову за подбородок.

Я не отводила взгляд и не убирала его руку.

– Тебе только кажется, что ты согласишься в это...

– Мне придётся поверить. – Его настойчивость вмиг улетучилась. Он убрал руку от моего лица, но продолжил смотреть в глаза. – Мне было страшно за тебя, Ева. Если бы я вышел на минуту позже, ты бы упала и ударилась виском. Это чудо, что я успел подхватить тебя! Ты опять видела её, ведь так?!

– И слышала.

– Слышала?.. – сглотнул Виктор.

Я была спокойна, даже дыхание вернулось в норму после затянувшейся истерики. Либо Виктор снова действовал на меня лучше любого успокоительного, либо на этот раз мои эмоции уравновесил его чай.

– Может...

– Мне пора обратиться к психиатру? – продолжила за него я. Но слишком спокойно. И это спокойствие меня напугало. Как затишье перед бурей. – Зачем ты приехал следом? Думал, я сдамся? Думал овладеть моим телом на этой кровати? – Я подскочила и указала рукой на кровать, которая отчего-то стала такой огромной. Как и комната.

– Успокойся! – Виктор подскочил вслед за мной.

Комната начала вращаться. Наверное, из-за того, что я резко встала. Почувствовала, как кровь прильнула к лицу, в ушах зазвенело. Руки задрожали. Я успела заметить испуганное лицо Виктора, а потом снова отключилась.

Мне тринадцать лет. Я ещё слишком юна, чтобы понимать, что такое ревность. Но я почувствовала этот резкий укол в сердце, когда вернулась домой и застала их разгорячённых. Она сидела на полу, прикрываясь серой простынёй, которую наспех стянула с незаправленной

кровати. Он с неприкуренной сигаретой в зубах наклонился за коробком спичек. На балконе. Голый. Розовый закат как нельзя кстати подходил его смуглому телу.

Я застыла в дверях их комнаты, как будто вросла в пол и не могла сделать и шага. Они меня ещё не заметили. Он поднял спички, закурил и обернулся. Ничего не сказал. Смотрел мне прямо в глаза.

В то мгновение я осознала, что ревную его. Своего отца. К своей матери.

Я пришла в себя и опять увидела его глаза. Подняла руку и прикоснулась к его щеке.

– Не сон... – выдохнула я.

– Ты второй раз за день напугала меня до чёртиков!

– Знаешь, когда поняла, что люблю тебя не как отца? – улыбнулась я, не обращая внимания на его перепуганный вид. – Мне было тринадцать лет. Я вернулась домой и застала вас после... – сглотнула и продолжила: – Мама сидела на полу, закутавшись в простыню. Ты стоял на балконе и курил. Голый.

Он смутился.

– Я приревновала тебя.

– Не было причин... – Виктор рассеянно отвёл взгляд, его плечи вздрогнули.

Я усмехнулась.

– Тогда у нас ничего не было.

Я задержала дыхание.

– Это был первый раз, когда я не захотел её. И... – Виктор замолк. Медленно повернулся ко мне, мы снова оказались лицом к лицу. – ...я ведь не понимал тогда, была ли это реальная ты или продолжение видения.

– Ты хочешь сказать...

– Ева, мне тяжело об этом вспоминать. Давай не будем... Пожалуйста!

Он умоляюще смотрел на меня, надеясь, что я прекращу этот разговор. Но в моей голове было слишком много вопросов без ответов.

Я так и не убрала свою ладонь с его щеки. Рука как будто намертво приклеилась к нему.

– Ты сказал ей?

– Она до последнего ничего не знала...

– Почему она так поступила?

– Иногда мне кажется, что она обманула всех нас. Что она жива.

– Если бы, – тихо сказала я. Но мне иногда самой казалось, что мама не утонула. Прошло семь лет после несчастного случая на озере. Если бы она была жива, то нашла бы способ связаться с нами. Со мной. Мы были очень близки...

– Ева, тебе надо показаться доктору.

– П...

– Нет, не психиатру! – перебил меня Виктор. – Ты дважды за двадцать четыре часа потеряла сознание. Это ненормально. Меня это тревожит.

– Я перенервничала.

– Нет, перенервничал тут я! А ты была очень даже спокойная и умиротворённая.

– Хорошо, я запишусь на обследование головы, – с сарказмом ответила ему и убрала свою руку, но до сих пор чувствовала тепло его кожи на ладони.

– Поспи. У нас ещё есть завтра, – Виктор поднялся и подошёл к двери.

– На что?

Прошли секунды, прежде чем он ответил. А мне казалось, он нарочно продлевал молчание. Чтобы я словила себя на мысли, что хочу нарушить все границы. Хочу быть той, кто кутается в простыни после жаркого и пленительного секса с ним.

– На поиски призрачных дневников.

Виктор вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Но я чувствовала, что снова не одна. Помимо неизвестного мне призрака, эту комнату разрывали постыдные мысли и запрещённые желания. Я повернулась в сторону того самого балкона. Опять вспомнила его обнажённое тело. И его растерянный взгляд.

Тогда он просто не знал, реальна я или всего лишь его фантазия.

Дневники Дианы

Ровно как и я не знала, реальна ли она – девушка на балконе. Я всё ещё сомневалась в её существовании. Не верила своим глазам. Может, Виктор был прав, и мне пора обратиться к специалисту. Может, мои галлюцинации – симптом какого-нибудь заболевания.

Она смотрела на меня уверенно и сдержанно. Сейчас она молчала, и я засомневалась, слышала ли я её тогда.

– *Слышала*, – ответила на мой незаданный вопрос Айви.

Я вздрогнула от её голоса в своей голове. Медленно поднялась и вышла на балкон, схватилась за железную перекладину обеими руками.

– Зачем ты всё это делаешь? Мне так до палаты с мягкими стенами недалеко...

– *Тебе пора всё узнать*.

– Не проще ли тебе всё рассказать мне, а не ждать, пока я докопаюсь до истин?

Я разговаривала с ней на равных, будто она была человеком. Так ли протекает одна из стадий шизофрении?

– *Я говорила тебе, что часть правды ты узнаешь из дневников*.

– Но я даже не знаю, где мне их искать!

– *Ты не искала. Ты была занята им!* – В её словах проскользнул упрёк. – *Я слышала все твои мысли и желания...*

– А он тут причём?

– *Он вечный камень преткновения!*

– Что?

– *Дневники на самом видном месте!* – ответила Айви, а потом исчезла.

Рассерженная я вернулась в комнату. Разве, чёрт возьми, может всё это быть реальным? Расправив руки в стороны, я опустилась на кровать, прочувствовав каждый свой ноющий позвонок. Мне хотелось поскорее погрузиться в сон, а завтра убраться отсюда. Чем я только думала, когда сломя голову неслась в прошлое.

Я открыла зажмуренные до этого глаза и замерла. *Дневники на самом видном месте*. Квадрат в углу потолка был сдвинут. Я была почти уверена, что найду там дневники. Медлила я не дольше секунды, а потом подскочила и стала придумывать варианты, как добраться до нужной зоны. Потолки в доме были высокими, и если я стану на стол, всё равно не достану до того квадрата даже кончиком пальцев.

Виктор застал меня, кряхтящую, как курица-наседка на яйцах, и усердно тянущуюся рукой к потолку. При этом я стояла на стуле, который стоял на стуле, стоящем на столе.

– Ты в своём уме?!

– Если бы я начала падать, испуганная твоим внезапным появлением, ты бы успел меня поймать? – фыркнула в ответ.

– Не хочу знать, что ты там забыла. Слезай оттуда! – скомандовал он.

– Дневники! – простонала я. Мне почти удалось отодвинуть плитку дальше и дотянуться рукой глубже.

– Слезай, – спокойнее повторил Виктор. – Я схожу за стремянкой.

Я повиновалась и спустилась прямо в его объятия.

– Как безрассудно, Ева! – Виктор недовольно убрал руки с моей талии.

Я ничего не ответила ему. Потому что то, что я хотела сказать, было не к месту. И никогда не будет «к месту» между нами.

Виктор вышел и через минуту вернулся со стремянкой. Молча отодвинул в сторону моё шаткое сооружение, подставил лестницу и полез к квадрату сам.

– Э-э-э... – я недовольно возразила ему.

– Тебе безопаснее быть на земле, – это было сказано тоном, которому мне не захотелось перечить.

Я молча наблюдала, как он поднялся до самого верха, просунул руку в открытое углубление, и как изменилось его лицо, когда его рука на что-то наткнулась.

Я испуганно вжалась спиной в холодную стену:

– Они... там?

– Кажется, там действительно что-то есть, – он вытянул из чёрной дыры что-то увесистое и поднёс к свету.

Это была стопка старых потрёпанных тетрадей, перевязанных вместе бечёвкой.

Виктор спустился с лестницы. Я подскочила к нему и выхватила из рук находку.

– Мне хочется спросить, как поиски завели тебя туда, но я боюсь твоего ответа.

– Айви подсказала, – спокойно сказала я. Мой взгляд был прикован к дневникам.

Виктор оставил меня на ночь одну в их с мамой спальне, хоть ему это далось с трудом – он тоже хотел узнать тайны Дианы. Я пообещала, что всё расскажу утром.

Конечно же, я не спала всю ночь, листая страницы старых тетрадей. Казалось, они принадлежали маме: многое было написано её почерком. Но некоторые страницы были не её авторства. Часть из написанного я не понимала, часть повергла меня в ужас.

Теперь я сомневалась, что исполню обещание, данное Виктору. Пусть хоть у кого-то из нас останутся хорошие воспоминания о Диане...

«Никогда бы не подумала, что смогу убить своего ребёнка. Это звучит так ужасно... Но чтобы сохранить свою семью, я обязана пойти на это. Я знаю».

Это было первое, что мама записала в дневник. До этого я пролистывала старые мятые страницы с непонятными мне текстами. Я даже не представляла, на каком языке это было написано. И как яркая вспышка – абзац, вписанный маминной рукой. Мои руки, вместе с дневниками в них, задрожали.

Айви не заставила себя долго ждать. Присела рядом, мрачно посмотрев на тетради.

– Это же неправда? – Мой голос прозвучал неуверенно.

– Правда, – тихо ответила она.

– Ты... ребёнок Дианы, которого она убила?

Айви не ответила, лишь взглядом указала на дневники.

Я продолжила читать.

«Того ли ребёнка я убила? Кажется, я совершила ошибку. За которую заплачу своей жизнью».

После следующих строк дрожали не только руки. Я вся дрожала, как лист, который вот-вот сорвётся с ветки от сильного ветра. Только в комнате не было ни дуновения. Казалось, мир вокруг замер.

Первым моим порывом было сжечь этот бред. Я перевернула на самую последнюю страницу: *«Я больше так не могу! Она забирает его у меня!»*

И всё. Ни слова больше.

Я посмотрела на Айви:

– Речь о Викторе?

– И о тебе...

– Я ничего не понимаю! Ты говорила, что здесь будут ответы, а тут только больше вопросов...

– Потому что ты не хочешь понимать! Не хочешь принимать. Диана больше всего в жизни любила его. А тебя... тебя она боялась...

– Но почему?

Я была на грани срыва, проклятые тетради отшвырнула в сторону и закрыла лицо руками.

– Потому что ты опасность.

Дверь открылась, и вошёл Виктор. А Айви исчезла.

– Так и знал, что ты не уснёшь.

Напрасно я отворачивалась и прятала заплаканное лицо. Он задержал свою ладонь на моей щеке и грустно улыбнулся:

– Ты расскажешь мне, что там написано?

– Тебе лучше не знать.

– А тебе лучше не тащить этот груз в одиночестве, – он медленно опустился рядом.

– Если бы ты раньше сказал мне, что я тебе неродная дочь! – не знаю зачем, но я произнесла это вслух. И как-то легче стало дышать.

– Ничего бы не изменилось, Ева. Людям не понять нашей любви.

– Я, видимо, не человек. Потому что о каких-то «людях» ты беспокоишься, а обо мне нет.

Виктор ничего не ответил на это, лишь прижал меня к своей груди. Я слышала, как быстро билось его сердце под тонкой футболкой.

– Если ты сейчас не отпустишь меня, я сорву её с тебя, – смело выдохнула я. Сделала бы я это? Вряд ли. Но чем дальше он находился от меня, тем проще мне было совладать с собой.

Он быстро отстранился.

– Это просто страсть, Вик. Однажды мы переспим и успокоимся, – я хотела проверить его реакцию. И мне удалось воззвать к эмоциям.

– Нет, Ева! Нет. Я люблю тебя. Люблю! – прорычал он.

Я усмехнулась.

– Но ты знала это? Это было жестоко с твоей стороны.

– Женщины, которым не позволяют любить открыто, на многое способны. Жестокость – меньшая из зол.

Виктор промолчал. Зато мне ответила Айви:

– *Женщина, чей отец сам дьявол, руководит всеми жестокостями мира и не покусится на изоляцию, чтобы достигнуть желаемого.*

Я уже привыкла к её неожиданному появлению и даже не вздрогнула.

Кого она имела в виду? Себя? Диану? Меня?..

Искренность

Наутро следующего дня Виктор почти силой затолкал меня на переднее сидение своей машины. Мою тайоту оставил в гараже старого дома. Убедил, что сам вернётся за ней.

– Я устала от тебя! – огрызнулась я.

Виктор пристегнул меня, как непослушного ребёнка, и захлопнул дверь. Я успела отдышаться, прежде чем он занял водительское место.

– Оставь меня в покое! – с новым нажимом начала я. – Мне не нужна твоя опека!

– Вот как ты заговорила?!

– Ты мне не отец! – Этими словами я хотела уколоть его сильнее, но он был сдержанным, как и всегда. Казалось, не существует чего-либо, что могло бы молниеносно вывести его из себя. Я же заводилась с полуоборота. И сейчас от моих слов сильнее было только мне.

– Ты мне не дочь. Но моя любовь к тебе сильнее, чем любовь отца. Оттого и заботиться о тебе мне хочется больше...

– Не получится! Твоя роль изменилась, папочка, – последнее слово было сказано максимально раздражённо и язвительно.

Но Виктор лишь улыбнулся в ответ:

– Зато твоя роль всегда будет главной в моей жизни.

Я отвернулась к окну и закрыла глаза, как только он завёл машину. Уснула и открыла уже в городе, когда Виктор коснулся моего плеча:

– Мы приехали.

Я оглянулась по сторонам.

– Завтра у тебя встреча с психологом, – Виктор не смотрел на меня.

Его желание взять контроль в свои руки мигом вернуло меня в состояние бодрствования.

– Что?! Никуда я не пойду, ты знаешь!

– А ты знаешь, что я на руках тебя туда отнесу, если понадобится, – сощурился он и бросил в мою сторону короткий взгляд.

– Нахал! – прошипела я и вылезла из машины. – Верни мою тойоту на стоянку, – фыркнула в открытое окно.

– Завтра в девять утра она будет на месте ждать тебя.

Я поднималась до квартиры и бубнила себе под нос всевозможные ругательства в его адрес. В руках, прижимая к сердцу, я несла дневники, в которых надеялась найти ответы на свои вопросы. Если они – единственное, что поможет мне разобраться в этом кошмаре, в которой превратилась моя жизнь, я изучу их от первого до последнего слова. Даже если придётся выучить старинные языки!

Когда я остановилась около квартиры, моё сердце застучало быстрее. Дверь была открыта. Все похожие моменты из фильмов ужасов пронеслись перед глазами... Я была уверена, что закрывала дверь, когда уезжала.

Я попятилась назад к лестнице, доставая телефон из заднего кармана, чтобы набрать Виктору. Дверь открылась, и на пороге показался Ян.

Я выдохнула.

– Боже мой, Ева! – Он бросился ко мне. – Почему твой телефон недоступен? Ты где была? – Ян прижал меня к себе.

От страха и напряжения я потеряла дар речи. К тому же мне было нечего ему ответить.

– Решила навестить старый дом...

Не совсем правда, но и не совсем ложь.

– Не думала, что ты вернёшься раньше, – сглотнула я.

– Ты была недоступна! – Ян по-прежнему обнимал меня.

Он не стал расспрашивать, почему у меня возникло внезапное желание навестить старый дом. Даже не поинтересовался, что за тетради в моих руках. Не спросил, с кем я ездила туда. Он просто был счастлив, что со мной всё в порядке.

А меня это раздражало. Может быть, это синдром молодой жены? Когда через несколько дней после свадьбы ненавидишь мужа так, будто вы прожили сто лет в браке? Может быть, это со временем пройдёт?

– Ева...

Ян лежал на своей половине кровати.

Я повернулась в его сторону.

– Куда хочешь поехать на наш медовый месяц?

– Зачем? – резко ответила вопросом на вопрос я.

– Прости?

– Мне кажется, в этом нет нужды...

Он замолчал. И меня накрыло чувством вины. Зачем я вышла за него замуж? Быть его женой, но оставаясь при этом в неведении, что Виктор мне неродной отец, мне было бы проще. Своим признанием Виктор всё испортил.

– Куда ты хотел бы поехать? – я осторожно нарушила тишину. Ту тишину, от которой мурашки бежали по коже: неужели каждый день моей семейной жизни будет таким?

– Туда, где тепло.

Я сконфуженно улыбнулась. Какой холод он сейчас имел в виду? Май выдался не самым холодным.

– Выбери сам. Мне, правда, неважно. Мне хорошо тут... – я задержала дыхание и солгала: – ...с тобой.

Ян улыбнулся, коснувшись моего плеча губами. Его улыбка как будто бы говорила мне: «Я знаю, что ты лжёшь».

Исполнять супружеский долг, а в голове держать образ другого мужчины – ужасно. Это даже хуже измены... Когда Ян закончил, я подскочила и сбежала в ванную. Лишь бы не видеть его глаза, а точнее – любовь в них. Безответную.

Смывая прохладной водой отпечатки нелюбимых пальцев со своего тела, я бубнила самые изощрённые ругательства в свой адрес: изменщица, предательница, иуда, гиена, падшая женщина...

– Ева, твой телефон разрывается.

– Сейчас!

Я замолчала и выключила воду.

– Как мерзко... – выдохнула я.

Кутаясь в полотенце, вернулась в спальню. Обнажённый Ян стоял у окна с бокалом вина. Я посмотрела на него, но вспомнила другое тело... Он услышал мои шаги и обернулся:

– Тебе налить?

Я отрицательно мотнула головой и взяла телефон: два пропущенных от Виктора. Я не собиралась перезванивать. Экран загорелся и высветилось сообщение: «*Приём в 9:45. Машина будет ждать у подъезда в 9. Не опаздывай*». Я сцепила зубы. Следом пришло: «*Не злись!*» Я не собиралась ему отвечать.

– Кто такой настойчивый? – Ян указал взглядом на телефон.

Я не знала, что ответить. Выдохнула.

– Кое-кто не очень важный.

И снова солгала мужу. Хорошее начало семейной жизни.

Ян пожал плечами. Сделал вид, что ему было достаточно этого ответа.

В девять утра я спустилась на парковку: моя тойота стояла на своём месте. Я подошла к машине. Водительская дверь открылась, и показалось довольное лицо Виктора.

Я протянула открытую ладонь, чтобы он отдал мне ключи.

– Как мило с твоей стороны, – съязвила я.

Он смотрел на меня с улыбкой победителя.

– Присаживайся, – кивнул на переднее пассажирское сидение.

– Вот ещё! Ключи.

Я так и стояла напротив него с вытянутой рукой.

– Я отвезу, – не сдавался под моим взглядом он.

– Я не нуждаюсь в услугах личного водителя.

Виктор пожал плечами.

– Нахал! – Я залезла в машину, громко хлопнув дверью в знак протеста.

– Ты же в курсе, что это твоя машина?

Его как будто забавляла моя злость.

– Зато полегчало, – пробубнила я.

Мне хотелось задушить его. Прямо здесь. Прямо в эту минуту. Голыми руками.

– Ева, я не хочу тебе навредить. Анна моя хорошая знакомая. Она квалифицированный психотерапевт...

– Один приём, – спокойно перебила его я, отдышавшись и прогнав мысли о том, как мои ладони смыкаются на его шее.

– Посмотрим.

– Ты сейчас выйдешь из машины!

Мы выехали с парковки.

– На ходу? – усмехнулся Виктор.

Я озлобленно фыркнула в ответ.

– Она поможет разобраться... – не унимался он.

– Я не говорила, что мне нужна чья-то помощь.

– Нужна. И если ты сама этого не понимаешь, то я...

– То есть, ты любишь меня по-взрослому? – я перебила его, он не успел закончить мысль.

Вопрос неконтролируемо слетел с моего языка.

Виктор запнулся.

– Ева...

– Нет, серьёзно. Может, ты мне дашь дельный совет: как вести себя в постели с человеком, когда все мысли о другом?

Я впервые была свидетелем, как Виктор потерял контроль над собой: резко свернул на обочину и затормозил.

Он молчал.

– Если ты и правда любишь меня, то как ты спал с Дианой? А как сейчас спишь с Лидией? – я добивала его словами.

Виктор смотрел перед собой, не поворачиваясь ко мне.

– Может быть, помощь Анны тебе нужна больше, чем мне?

Что-то во мне оборвалось, и я перестала молчать. Если бы меня в нынешнем состоянии вернуть к алтарю перед Яном, я бы уверенно сказала ему «нет».

– Ты не можешь судить другого человека, пока не наденешь его обувь и не пройдёшь его путь. Ты не можешь сомневаться в моей любви, потому что я люблю, как умею. Я страдал дольше тебя. У меня было время привыкнуть. – Его голос казался уверенным, но я видела, как напряглись вены на шее.

Он злился. На меня? Или на себя?..

– Я просто хочу понять тебя.

– Если бы я мог понять себя сам, – выдохнул Виктор.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Я поглядывала на него из-под опущенных ресниц. Заметила, как напряжённо дёргались его скулы, будто он сдерживал там слова, что рвались наружу.

– Почему вы решили не говорить мне правду? – спросила я, когда Виктор затормозил на стоянке.

– Это было решение Дианы.

– Почему?

– Чтобы у тебя была настоящая семья? – вопросительно посмотрел на меня Виктор.

Он довёл меня до нужного кабинета и протянул ключи от машины. Я выставила ладонь, Виктор вложил туда ключи, а потом развернулся и ушёл. Мою руку всё ещё обжигало его прикосновение.

Спустя час я сидела в своей тойоте, опустив голову на руль.

Анне удалось расположить меня к себе. Вот только говорили мы не о призраке девушки, а о моих чувствах к Виктору. Я, конечно же, не называла имён. А она, конечно же, всё поняла.

Я впервые с кем-то чужим поделилась всем, что было у меня на душе. Выплакалась. Стало легче дышать, но не стало свободнее. Я почувствовала, как до того тугая верёвка на моих запястьях стянулась ещё туже.

Измена

В голове после этого приёма было пусто. Как бывает пусто в желудке после того, как выворачивает после отравления. Какое-то непонятное опустошение произошло в моей голове.

– *Эта связь крепче, чем ты думаешь*, – Айви появилась внезапно, как и всегда.

– Давно тебя не было видно и слышно, – вздрогнула я.

– *Скучала?*

– Если скажу, что нет, ты исчезнешь?

– *Нет.*

Я пожала плечами, мол, тогда неважно, скучала ли я.

– *Ты так и не притронулась к дневникам.*

Айви сидела на переднем сидении. Её белоснежная кожа была одного цвета с платьем, которое было на ней, и только ржаво-рыжие волосы раскачивались, будто на лёгком ветру. Окна в машине были закрыты. Кондиционер выключен. Даже я почти не дышала. А волосы всё равно не лежали на её плечах неподвижно. Почему-то это волновало меня.

– Я... мне... Я бы их сожгла! – выдохнула я.

– *Я бы тоже*, – улыбнулась она. Волосы замерли на её плечах. – *Вот только ты должна узнать всю правду.*

– Тогда ты исчезнешь?

– *Ты не этого хочешь.*

– Именно этого я и хочу. Чтобы ты исчезла!

Она и исчезла.

– Чёрт!

Я опустила голову на руль.

Расстроенная и раздражённая, я устроилась в сквере возле дома. Не хотела идти в пустую квартиру, а в машине мне мерещился запах Айви. Поэтому я сидела на свежем воздухе, растирая по холодным щекам бегущие слезинки. Хоть глаза были сухими и мне вовсе не хотелось плакать, но на душе было тяжело и пусто.

Я часто останавливалась в этом скверике, прежде чем пойти домой. Здесь было тихо и безлюдно, как будто он был заброшен, не видим для других.

– Так и знал, что найду тебя здесь.

Но не для него.

Я не стала оборачиваться: мурашки по всему телу у меня бежали только от одного голоса.

– Встань, пожалуйста. Земля ещё холодная.

– Не холоднее твоего сердца, – грубо бросила я.

– Ты несправедлива со мной.

– Зато честна.

– Встань, пожалуйста! – строже повторил Виктор.

Я поднялась и направилась к дому. Виктор догнал меня и остановил за руку возле подъезда. Я вздохнула. Он смотрел сверху вниз, проводя большим пальцем по щеке, остановил его на губе, потом приподнял моё лицо за подбородок.

Я не двигалась, даже не вздрогнула от его прикосновений. Как тряпичная кукла. Руки болтались вдоль тела. Только губы отвечали на поцелуй. Самый долгий, который был между нами. Казалось, если сложить все мои поцелуи с Яном в один, он будет короче и менее страстным, чем этот. Мои губы пылали и опухли, а внутри таял лёд.

– Теперь ты почувствовала тепло моего сердца? – Виктор всё так же смотрел на меня сверху вниз и обнимал за талию, не убирая ладонь с моего лица.

– Теперь я могу идти? – закатила глаза я.

Я лукавила, потому что идти не могла. Если он уберёт свою руку с моей талии – я упаду без поддержки. Ноги стали ватными. Я как будто уплывала в невесомость. Желание пульсировало чуть ниже живота.

– Ева, я не могу больше бороться с...

Я не позволила ему договорить – встала на носочки и поцеловала его сама. Он вздрогнул от неожиданности, но прижал к себе, опуская обе руки на мои ягодицы. Потом провёл вверх по спине к шее, слегка придавливая моё тело к своему. Но ему не нужно было сокращать расстояние между нами – я прилипла к нему, как мокрая ночнушка к голому телу. Он сделал шаг вперёд, я – назад, прижалась к подъездной двери. Ещё мгновение – назад вернуться будет нельзя... и он отступил.

– Прости, Ева...

Я пыталась выровнять дыхание.

– Пойдём... домой... – выдохнула я.

Он кивнул.

В лифте Виктор снова меня поцеловал. Я начала снимать с себя шарф и пальто. Он ослабил галстук у себя на шее резким движением. Я с пятого раза не глядя попала ключом в замочную скважину. Он оторвал две верхних пуговицы у себя на рубашке. В прихожей одежда с двух тел полетела на пол. Виктор подхватил меня на руки. С первого этажа наши губы ни разу не разъединились. Я не понимала, в какой из комнат мы оказались. Когда мои ладони упёрлись в его живот, я задрожала: впервые прикоснулась к любимому телу. Он целовал мою шею и плечи. Дрожь обуревала моё тело сильнее и настойчивее. Я вцепилась в его бока ногтями, пальцы свело судорогой. Виктор приподнял мои ягодицы и одним движением стянул джинсы и трусы. Он на мгновение замер, и я испугалась, что передумал... но он прильнул к моим губам нежно, а потом резко вошёл в меня...

Мы лежали на холодной плитке среди разбитой посуды и сломанного стола. Между нами была тишина. И громкое биение двух сердец.

– Ева... я не перестал тебя любить. И хотеть. Это не просто страсть.

– Доказательства приняты, – громко выдохнула я.

– Мы сломали стол.

– И разбили посуду.

– Может, инсценируем ограбление? – рассмеялся Виктор, присаживаясь и осматриваясь по сторонам.

Я тоже поднялась из положения лёжа.

– Как раз будет вразумительное объяснение моих синяков и разбитой губы.

– Но засосы на шее не объяснить... – Виктор поднял руку и провёл по моей нижней губе.

Под утро мы заснули, так как продолжать уже не было сил. Ни у меня, ни у него. Я не могла насладиться прикосновениями к его телу. Даже когда я уже засыпала, моя ладонь медленно скользила по его груди и животу. Он дышал в такт скольжению моей ладони, медленно и умиротворённо.

– Я бы хотела перенестись в другой мир. Где мы могли бы вот так лежать вечно.

Я зарылась лицом в его растрёпанные волосы.

Когда проснулась, Виктора уже рядом не было. Испуганно подскочила, в страхе, что это был всего лишь сон... и замерла... его одежда была аккуратно сложена на комод.

Я выбежала на кухню и остановилась в дверях: Виктор готовил свои фирменные блинчики. В одних трусах. На моей кухне.

Стол уже был отремонтирован. Осколки посуды убраны.

Я подошла к нему сзади и обняла со спины.

Так всегда делала мама. Он продолжал жарить блинчики, почти не реагируя на неё, довольно улыбаясь.

Вот только сейчас он обернулся и словил мои губы, награждая их поцелуем.

– Сделать кофе? – Я прижалась к нему, чувствуя его желание внешней стороной бедра.

– Я всё сделаю сам. – Он поцеловал меня в ключицу и отодвинул от себя: – Иначе останешься без завтрака.

– Кое-что насытит меня лучше твоих блинчиков... – Я подмигнула, сопротивляясь ему.

– Ева! – Виктор наигранно рассердился.

И я поддалась, присаживаясь на стул. Но не успокоилась. Ногой дотянулась до его бедра. Подняла разрез короткого халатика выше, специально спустила его с плеча.

Виктор обернулся и вздохнул:

– Сначала ко... – но недоговорил, опускаясь передо мной на колени, покрывая поцелуями оголённые бедра.

Я запустила пальцы в его распущенные волосы и запрокинула голову. С моих губ сорвался сдавленный стон – я хотела, чтобы этот момент длился вечно... Но его разрушил поворот ключа в двери.

Разбитое сердце

– Что ты стоишь?! – Я первая пришла в себя. – Ты в трусах!

– А ты без, – усмехнулся Виктор, но рванул в комнату одеваться.

Я поправила халат. Кофе уже давно выкипел из турки. Последняя партия блинчиков превратилась в угольки. Я растерянно осмотрела кухню.

Виктор вернулся прежде, чем входная дверь открылась. Одетый и спокойный, он выбросил блины в мусорное ведро.

– Ты в порядке... – выдохнул Ян, перешагнув прихожую в один шаг и показавшись в дверях кухни.

– Как и всегда, – пожала плечами я.

– И зачем тебе телефон, если он всегда выключен! – раздражённо произнёс он.

– Привет, – Виктор протянул руку Яну.

Тот не сразу обратил на Виктора внимание. Как будто его здесь не было или его видела только я.

– Привет, – Ян удивлённо перевёл на него взгляд. – Что-то случилось?

– Я сломала стол! – выпалила я.

– Ты же знаешь, какая она у нас неуклюжая, – улыбнулся Виктор.

– Знаю... – Ян подошёл ко мне и потянул за руку, чтобы обнять.

А я не могла даже выдохнуть. На внутренней стороне бедра всё ещё горели отпечатки губ Виктора.

Лучше бы на месте Яна оказался призрак. Мой муж меня раздражал больше, чем я думала. Но ещё больше я раздражалась от осознания, что изменила ему, разрушила все свои принципы.

Правильно говорят: сила в верности. А я была бесстыдно слаба.

Ян обнимал меня, даже не догадываясь, что я натворила. Он волновался, что со мной что-то произошло, а я в это время сходила с ума от желания в других объятиях.

– Мне пора... – Виктор неловко улыбнулся и направился в прихожую.

– Я проведу!

Высвободившись из объятий мужа, я рванула к входной двери первее Виктора. Накинула на халат пальто, влезла в первые попавшие под ногу сапоги и выскочила из квартиры.

Виктор нагнал меня на первом этаже:

– Ева, подожди!

– Я ненавижу себя. И тебя. И его. И мне противно оттого, что мне даже не стыдно.

– Я тебя в это втянул... – Он провёл ладонью по моей щеке и губам. Остановил руку на плече, потом спустил к запястью и переплёл свои пальцы с моими.

– Уже поздно искать виноватых.

– Давай...

– Сделаем вид, что ничего не произошло? – Я вырвала свою руку. Так противно стало от его прикосновений. Захотелось вlepить ему пощёчину. Или грубо оттолкнуть. Я чувствовала его слабость и не хотела быть сильнее его.

– А что нам остаётся, кроме как прятаться по углам? Я так не хочу.

– В наших силах всё изменить. Только ты не хочешь брать всю ответственность на себя. Ты даже половину ответственности не хочешь разделить со мной!

Я почувствовала, как к горлу подступил ком.

– А ты хочешь брать хоть половину этой ответственности?

– А я хочу, чтобы мой мужчина был сильнее меня не только физически, но и морально!

В ином случае мы можем найти себе девочек и жить счастливо.

– Ева... – Виктор попытался притянуть меня к себе.

– Отпусти! – Я убрала его руку. – Тебе пора!

– Дай мне шанс...

– Я у тебя и не забирала его! – это я сказала уже на два пролёта выше от Виктора.

Он не пошёл за мной.

Ян ждал меня в кухне, растирая уставшие глаза кулаками. Я молча присела напротив.

– Ева, мы совершили ошибку?

– Когда?

Я удивлённо стянула пальто и оставила его на спинке стула позади себя.

– Когда поженились. Когда познакомились. Ведь нет никакой семьи, мы чужие друг другу. Вся наша семейная жизнь – это череда ошибок...

– Что на тебя нашло? – перебила его я.

– Твоё безразличие! Я его чувствовал и до свадьбы. Но теперь...

Я опустила взгляд на свои сплетённые пальцы, а когда подняла обратно, заметила Айви на подоконнике. Она спустила ноги к полу. Подъюбник её белого платья метался из стороны в сторону. Она смотрела мне в глаза.

– Ян, это нормально, – убеждала его я, но сама себе не верила. – В первый год семейной жизни у всех возникают проблемы и недопонимания...

– *Сначала себя в этом убеди*, – Айви вмешалась в наш диалог.

– Это ненормально, Ева. Скажи, у тебя кто-то есть? – он повысил на меня голос, чего никогда не делал раньше.

– Нет!

– *Я бы не поверила*, – усмехнулась Айви.

Мне так хотелось ответить ей вслух. Накричать на неё! Подскочить к ней и скинуть с подоконника. Я задышала чаще.

Но она была права, я бы тоже не поверила своему «нет». Оно прозвучало даже менее убеждённо, чем моё «да» в день свадьбы.

– Мне хочется верить тебе, Ева. Но ведь это ложь. А Виктор тебя покрывает!

– *Собой*, – опять встряла Айви.

Я подняла глаза. Ещё мгновение, и я наброшусь на неё. Тогда у Яна будут все основания поместить меня в лечебницу. И он будет абсолютно прав.

– Зачем ты вышла за меня замуж?

– *Правильный ответ: «я люблю тебя»*, – Айви наслаждалась назревающим скандалом между мной и Яном.

Я не могла произнести эти простые три слова. Я вообще ничего не могла произнести.

– Хочешь, я отвечу? – выдохнул Ян.

– *И он попадёт в яблочко!* – Айви накрутила прядь своих влажных волос на указательный палец. Они всегда у неё были влажные, как будто она только что вышла из воды.

– Тебе удобно со мной, Ева. Я тебя люблю. Ты позволяешь мне себя любить. Сегодня я спешил домой: был уверен, что застаю тебя с кем-то в нашей постели. Я был настроен на это. И был готов к этому. Я чувствовал, что так всё и будет. Только ты на шаг впереди...

– Я не изменяла тебе... – Эта ложь слетела с моих губ проще, чем я предполагала. Я подумала о синяках и засосах – ярких доказательствах обратного.

– *Изменяла!* – фыркнула Айви. – *И получала от этого удовольствие.*

– Я хочу тебе верить! – Ян подскочил и распахнул рубашку так, что отлетели пуговицы. – Вот только здесь чувствую, что ты врёшь, – он указал на солнечное сплетение.

– Давай обратимся к специалисту?

Айви рассмеялась. Мне самой стало смешно после этих слов, а они слетели с моих губ.

Ян ничего не ответил, снова присел на стул.

– Ты разбиваешь мне сердце, Ева, – приглушённо простонал он.

Мне так хотелось утешить его. Но кто утешит меня?

Айви довольно улыбалась и не исчезала. Ян сидел напротив и смотрел на меня не моргая.

Мне показалось, из уголка его правого глаза вытекла слезинка.

Я поднялась:

– Кофе будешь?

– Как будто это лучшее лекарство от разбитого сердца, – глухо прозвучало мне в ответ.

Страницы дневника

Ночью Ян обнял меня, но я по-прежнему чувствовала его неприязнь и страдания. А он как будто чувствовал мою измену. Я лежала, прижатая рукой мужа к постели, а сон не шёл: тело помнило столь долго желанные объятия Виктора, губы горели от его недавних поцелуев. Засыпая, я думала о том, что, даже если мы разведёмся с Яном, всё равно не сойдёмся с Виктором.

Утром я проснулась позже Яна и не застала его ни в постели, ни в ванной, ни на кухне. Зато Айви сидела на подоконнике в той же позе, будто провела там всю ночь.

– *Доброе утро!* – пролепетала она.

Я ничего не ответила, поставила турку с кофе на плиту и присела за стол.

– *Как некрасиво с твоей стороны игнорировать меня!*

Я по-прежнему молчала.

– *Муж ушёл, можешь не бояться, что он подслушает наши раз...*

– С чего бы ты стала такая разговорчивая? – перебила её я.

– *Мне стало скучно наблюдать за тобой молча в тени,* – улыбнулась она. А мне стало холодно от этой улыбки.

Я ничего не ответила. Сходила за дневниками и швырнула их на стол, сама медленно присела и вытащила первый дневник, открыв его на первой странице. Все три тетради были пронумерованы от руки на плотной обложке. А если перевернуть их одновременно задниками вверх и положить друг за другом, то получится: «Ab ovo usque ad mala». На первой тетради «Ab ovo...», на второй «...usque...» и на третьей «...ad mala». Я не знала, что это значило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.